

С. В. КУЧЕПАТОВА
(Санкт-Петербург)

НАРУШЕНИЕ ЗАПРЕТА В СЛАВЯНСКИХ И БАЛТСКИХ БАЛЛАДАХ С МОТИВОМ МЕТАМОРФОЗЫ

Аннотация. В статье дается анализ нескольких сюжетных групп славянских и балтских балладных песен с мотивом метаморфозы (превращение человека в дерево и в птицу). В основе сюжетов о превращении героя лежат представления о том, что только в ином облике (в образе птицы или растения) возможен контакт с иным миром, общение мира живых и мира мертвых. Одним из условий оборотничества персонажа является нарушение нормы (наложение проклятия или нарушение какого-либо запрета).

Ключевые слова: архаическая баллада, мотив метаморфозы.

Не будем в рамках данной статьи углубляться в вопрос определения жанра народной баллады; отметим лишь, что в отношении восточнославянского фольклора термин «баллада» применяется достаточно условно. Строго говоря, мы имеем дело с сюжетами балладного типа, которые встречаются в песнях, относящихся к разным жанрам. Это могут быть лирические песни, свадебные, игровые, солдатские, календарные (колядки, веснянки, русальные, купальские) и т. д. Говоря о балто-славянском ареале, мы имеем в виду прежде всего балто-восточнославянские параллели и даже уже — литовско-восточнославянские (учитывая значительное число сюжетных совпадений, стилистическую и тематическую близость).

Несмотря на кажущееся бесконечным многообразие балладных сюжетов с мотивами метаморфозы в славянском и балтском фольклоре, они составляют ограниченное число сюжетных групп. Мы рассматриваем баллады с мотивом превращения человека в птицу (доч-

ка-пташка; три пташки оплакивают молодца и др.) и баллады с мотивом превращения человека в дерево (све-кровь превращает нелюбимую невестку в дерево; мать проклинает сына, он становится явором; мать проклинает дочь, девица становится явором).

Само превращение персонажа является нарушением нормы, — и во многих балладных текстах с мотивом метаморфозы мы встречаем целый «букет» тем, раскрывающих причину (нарушение запрета, нормы, неправильное поведение) и следствие (лишение героя человеческого образа — обращение в птицу или дерево).

Архаические мотивы метаморфозы отражают древние представления о возможности контакта с «иным» миром¹. Это самый глубокий пласт — то, что лежит в основе всех сюжетов о превращении персонажа: именно в таком (иначе) облике возможно общение мира живых и мира мертвых.

В одних случаях метаморфоза означает гибель персонажа: в птице или дереве воплощается душа умершего до срока, без покаяния, что сближает образы птицы и дерева с заложными покойниками, которые «доживают» свой век в этом мире и одновременно принадлежат «иному» миру. Именно в образе птицы или дерева умершие могут общаться с живыми. В балладе о дочке-пташке дочь, выданная далеко замуж, воспринимается как «символически умершая» в силу своей отдаленности (переезд в «чужую» семью, на «чужую» сторону, в «иной» мир отражает связь представлений о смерти и свадьбе [Еремина 1991, 102—116]), хотя во многих вариантах ее смерть становится реальной.

В других сюжетах в птицу превращаются мать, сестра, жена, оплакивающие умершего (или символически умершего — сидящего в темнице, раненного вдали от дома) молодца. Обращает на себя внимание, что в этих сюжетах не душа умершего появляется в образе птицы, а живые обращаются в птицу — временно или навсегда, — чтобы иметь возможность общаться (оплакать, наве-

¹ Подробнее об этом см.: [Кучепатова 2006].

стить, поговорить и т. д.) с молодцем, находящимся в «ином» мире. Для живого человека, в его обычном облике, общение с покойным может оказаться опасным и грозит гибелью.

Многие балладные тексты содержат **мотив проклятия**. Самое сильное — материнское проклятие, однако нередко проклятие накладывает свекровь (и мать, и свекровь — родители). Напомним, что «проклятые родителями» тоже становятся заложными покойниками, их земля не принимает².

В балладе об обращении молодца в дерево мать проклинает сына; в украинской версии: «Щоб твій коник став горою, / А сидельце — кремінною, / А нагайка — гадиною, / Ти ж, сину, явориною» [Балади 1987, 200—201]; в словацкой версии:

...by si ostal javoricek
A tvoj konik siva skala,
tvoja hlava cudna trava!
[V sir. I 1982, № 9].

...чтоб ты стал яворочком!
А твой конь — серым камнем,
твоя голова — чудесной травой!³

Мотив проклятия встречается и в балладе о девушке, которую мать заклала в явор (распространена в Словакии, чешской Моравии и Польше (в Силезии), а также у немцев-пастухов в Северной Моравии). Мать проклинает дочь за то, что она задержалась у воды (в некоторых вариантах она разговаривала с парнем). Заклятая девица становится явором.

Мимо шли музыканты, они увидели явор и решили вырезать из него скрипку и смычок. Первый раз ударили — из дерева кровь потекла, другой раз ударили — дерево заговорило: «Я не дерево, а девушка Аничка, я по воду пошла, нескоро пришла, мамка меня заклала, чтоб я камнем стала, камнем неподвижным, деревом яворовым». Далее она просит музыкантов вырезать из этого явора гуслички (скрипку) и заиграть перед матушкиным домом. Музыканты играют перед домом, а скрипка поет и рассказывает о судьбе заклятой девушки:

Neni som ja drevo,
drevo javorovo,
ale som ja dievča

² См. об этом: [Зеленин 1995].

³ Здесь и далее переводы автора статьи.

z miesta richtárovo.
Na vodu som išla,
neskoro som prišla.
Mamka ma zakliala,
by kameň ostala,
kameňom meravým,
drevom javorovým.
Kupa skamenela
meravým kameňom,
ja som zdrevenela
zeleným javorom
[Horak 1956, № 1].

В широко распространенной балладе о невестке, заклятой в дерево (рябинка, тополя, липа), проклятие насыляет свекровь. В Украине эта баллада (нередко называемая «Тополя», так как здесь невестка обращается в тополь) бытует повсеместно. Известно устное предание

о тополе, явно переключенное с балладным сюжетом. Однако в предании метаморфоза происходит в силу родительского проклятия (не свекровь закликает невестку, а мать — свою дочь) и в силу игры слов, произнесенных вслух (тополя, ото поле, я то полю...): «Мать послала в поле свою дочь полоть лен и приказала ей работать поусерднее. Но девушка замечталась над работой и, сложа руки, стояла без дела. «Ото поле (вот так полет!)» — сказала строгая мать, увидав свою дочь со сложеными руками. «Я то полю, то стою», — отвечала дочь, сильно испугавшись неожиданного прихода матери. «Бодай же ты, доню, полола в чуди та в дыви!» — произнесла разгневанная мать. И вдруг при этих словах на глазах матери, «к чуду и дыву», ее дочь-девушка стала вырастать в стройный, красивый тополь, а мать, видя это, стала плакать и убиваться по ней, приговаривая в отчаянии: «дочко ж моя, тополе моя!»» [П. И. 1889, 42].

Во многих балладах метаморфоза происходит потому, что персонаж оказался в неурочном месте (далеко от дома, в неправильном месте, в плохом месте) в неурочное время (ночью, в опасное время).

Мотив «чужой» стороны является постоянным для большинства версий

баллады о дочке-пташке. Мать отдает дочку замуж: в русских версиях: «Далеким-далекошенько: / За три города дальные, / За три крепости крепкия, / За три церкви соборныя, / За три стены белокаменныя» [Киреевский, ч. 1, № 1281]; «далеко, далеко — за сине море» [Шейн 1898, № 849], «За три города, города, / Во четвертый город, / Во стеклянный завод» [Меткое слово 1964, № 46]; в белорусских: «за боры, за ласы» [Балады 1977, № 55]; «Сем миль бором исыци, / А осьмую морем плысьцы» [Шейн 1887, № 264], «за Дунай глыбокий» [Розенфельд 1904, № 20]; в польских: «za ciemne bory, za bystre wody» [Czernik 1958, 249]; в словацких: «do cudzej krajiny», «na druhú d'ed'ínu» (в другую деревню), «za hogu zelenu» [Bartok 1959, zv. II, № 670, 671]; в литовских: «Už jūrių-marelių, / Už žalių girėlių, / Už gilių vandenėlių» (За моря, / за зеленые леса, / за глубокие воды) [JLD II, № 859]; «Už trijų šimtų mielių / Ir už mylės» (За триста / и одну милю) [KDLD 1924, № 201].

В некоторых вариантах дальняя сторона рисуется как «тот» свет: в польском: «za bory, za lasy, za ciemne chmury» (за боры, за леса, за темные тучи) [Колесса 1970, 148]; в литовском: «Až gilių marelių, / Až aukštų kalnalių, / Až tamsių naktelių» (За глубокие моря, / За высокие горы, / За темные ночи) [AM 1990, № 317]; в болгарском: «през девет села в десето, / през девет гори зелени, / през девет води студени. / Там нема пиля да пея, / там нема агня да бляя» (через девять сёл в десятое, / через девять лесов зеленых, / через девять вод студеных. / Там нет дыпленка <чтобы> пел, / там нет ягненка <чтобы> бляял) [БНБП 1993, № 271].

На пограничных территориях чужая сторона конкретизируется: для литовцев — это Белоруссия («Toli toli nudavė, gudų šalėlėn» (Далеко-далеко отдала, в белорусскую сторонку) [Jokimaitienė 1968, 318]; отметим, что литовское просторечное gudas (белорус) соотносится с gūdas (глубокая ночь), gūdas (жуткий), gūduma (глушь, жуткое место, жуткое время)). В белорусских вариантах матушка отдает дочь «у далёку Вільну»

[Балады 1977, № 49], «адала матка замуж да й у Белую Русь» [Балады 1977, № 22], в русских: «далече, далече — он на Волгу реку» ([Соболевский, т. III, № 33], Курская губ.). В одном из вариантов женщина, обернувшись птицей, хочет лететь домой: «Паляцела б на Ёкраіначку, / Села б, пала б сярод рыначку» ([Можейко 1981, № 44], Витебская обл.). «Отколь, мое дитятко, отколь прилетела, / С которой стороны, с которой дорожки, / С Питерской, Московской ли, с славной Аленбургской» ([Соболевский, т. III, № 39, 40], Уфимская губ.).

Во многих версиях баллады о невестке, превратившейся в дерево, свекровь намеренно отсылает заклятую невестку далеко от дома, на неосвоенную людьми территорию: «Ты поди, моя невестка, во чисто поле; / Ты стань, моя невестка, меж трех дорог, / Четырех сторон» ([Соболевский, т. I, № 79], Курская губ.). «Ты поди-сходи во чисто полё, / Во чисто полё, полё широкое, / Да уж ты стань-ко там да край дороженьки, / Край дороженьки, да край широкой» ([Фольклор Севера 1998, № 12], Архангельская обл.); «Иди, невестка, дорогою, / Иди, невестка, широкою» ([Болонев, Мельников 1985, № 167], Новосибирская обл.); «У цёмнаму лесе да й заначавала, / У чыстаму поле таполею стала» ([Можейко 1984, № 70], Гомельская обл.).

У литовцев и русских на северо-востоке Литвы (в Вильнюсском и Купишкском р-нах) сложилась самостоятельная версия баллады о заклятой невестке. В ней имеется развернутая вводная часть, в которой особенно развит мотив отсылания невестки далеко от дома. Свекровь трижды (или дважды) посылает невестку выполнить работу, одну другой тяжелее: она велит ей пойти к роднику (к Дунаю, к колодцу) за водой, заклиная, чтобы невестка в родник свалилась (versmėn įgriūtų), в Дунай упала (Dunojun įlektų), посылает в лес по ягоды, желая, чтобы она в лесу заблудилась. Но невестка всегда возвращалась. Наконец свекровь посылает ее в поле лен рвать (или рожь жать) [Jokimaitienė 1968, 312].

Buvo anyta labai negera,
 Siuntė martelį šulnin vandenio:
 Kad tu, martela, iš ti negrižtai,
 Iš ti negrižtai, šulniui pavirstai.
 Oi ir pagrižo jauna martela,
 Oi ir parnešė vandenėlio.
 Siuntė anyta jaunų martelį,
 Jaunų martelį lygan laukelin:
 Kad tu, martela, iš ti negrižtai,
 Iš ti negrižtai, liepeli stotai.
 Oi ir negrižo jauna martela,
 Oi ir pavirto baltu liepeli
 ([TD IV 1938, № 394], Вильнюсский край).

Была свекровь очень злая,
 Посылала невестку на колодец за водой:
 Чтоб ты, невестка, оттуда не вернулась,
 Оттуда не вернулась, в колодец свалилась.
 Ой и вернулась молодая невестка,
 Ой и принесла водицы.
 Посылала свекровь молодую невестку,
 Молодую невестку в ровное поле:
 Чтоб ты, невестка, оттуда не вернулась,
 Оттуда не вернулась, липой стала.
 Ой и не вернулась молодая невестка,
 Ой и обернулась белой липой.

Близки литовским и русские варианты баллады из Купишкского р-на: «Как журит-бранит, от мужа прочь гонит: / — Ты иди, невестушка, в темный лес, / Чтоб, невестушка, не вернулась. / А невестушка нагулялася / И веселая домой вернулася. / А свекровушка — журит-бранит, / От мужа прочь гонит: / — Ты иди, невестушка, в чистое поле <...>» [Фольклор Прибалтики 1976, № 53]; «Ты иди, невестка, иди в темный лес, / Ты иди и чтоб не вернулася. / И как я, невестушка, нагулялася / И домой пьянешенька возвратилася <...>» [Новиков 1999, № 211] и из Вильнюсского р-на:

Да кормит невестушку калачами,
 Накормила невестушку сыгом-хлебом.
 Напоила невестушку зарными квасами,
 Посылала невестушку во синие моря,
 Думала невестушку утопить.
 Ажно сволочь невестка домой пришла.
 Посылала невестушку во темные леса,
 Думала, невестушку зверье съядут,
 Ажно сволочь невестка домой пришла...
 [Митропольская 1975, 367].

В балладе о сыне (молодце), которого мать (девица) заклала в явор, проклятия сбываются только вдали от дома, молодец становится деревом на «чужой» стороне: «Їхав поле, їхав друге, / На третьому встановився» [Балады 1988, 358]; «Навернув конем от схода сонця, / Та й поехав си у темный лесок, / Выехав ован в чистое поле» [Головацкий 1878, т. II, № 5]; «Едуць поле і друге, / На трэцяе ўз'язджаючы, / Сваю мамку страчаючы, / Стаў мой конік камянечкам» [Балады 1977, № 260]; «Jak ty pujdzes prez lesicek, / ze bys' ostal javoriccek» (как ты пойдешь через лесочек, / чтоб ты стал яворочком) [V sir. I

1982, № 10]; «Jojau laukų, jojau antrų, / O an tracio ir sustojau, / Sau dūmeį susdūmojau, / Su žirgelį suskaibėjau: / — Tu žirgeli, tu šyvasai, / Tu pavirski šiauru vėju...» (Проехал я поле, проехал второе, / а на третьем и остановился, / себе думушку задумал, / с конем заговорил: / — Ты, коник, ты, сивый, / обернись-ка северным ветром) [LLD III 1985, № 682].

В одной из украинских версий проклятие не может осуществиться даже в «дальней» стороне, и тогда выбирается «плохое» место. Мать хочет отправить сына в чистое поле, чтобы его там спалили огни, в темные леса, чтобы его там съели звери, в море, чтобы он утонул и т. д. Сын отвечает матери, что он там не погибнет. Тогда мать говорит ему: «Йди, синку, на могилу. — / Аж тамко, я мамко, згину. — / Та став коник купинкою, / А нагайка — гадинкою <...>» [Балады 1987, 198—200].

Помимо мотива дальнего расстояния и чужой стороны, в балладе о дочке-пташке встречается и *мотив неурочного времени* как одно из условий обращения в птицу: «Посылают мене молоду / В полночь по воду» [Киреевский, ч. 2, № 2497]; «<...> замуж отдала. / Са вечеру матушка гребцов наняла, / С палуночи сударыня стружок сделала, / Ка белу свету матушка с двора спустила» [Там же, № 2253]. Неурочное время может стать условием появления птицы: в болгарской балладе умершая жена прилетает птицей именно до восхода солнца: «Загукала е гълъбка пред Стоянови яхъри утрина преди слънчице» (загукала голубка перед конюшной Стояна утром до <восхода> солнца) [БНБП 1993, № 266].

В балладе, в которой свекровь обра- щает невестку в дерево, заклятье начи- нает действовать в полночь («як прий- шов вечір, до білого світу»), то есть в момент прямого контакта с «иным» миром: «Лёну не дабрала, там знача- вала, / Там значавала, таполею стала» [Балады 1977, № 154]; «Бедная нявест- ка плакала-рыдала, / Плакала-рыдала, лёну не дарвала, / Ды ў чыстым полі ды значавала, / До белага света та- палінай стала» [Беларуский фальклор 1973, 238—239]; «Брала льон невістка, стало вечоріти, / А на неї плаття ста- ло деревіти» [Балады 1988, 232—233]; «Со полуночи молода да отворяла во- рота; / Выпускали-то молоду да во чи- сто поле одну; / Становили-то молоду да белою березою» [Едемский 1905, № 25]. В одном из текстов, записанных в Во- логодской обл., всё, что случается с закнутой невесткой в полночь, проис- ходит под действием неких сторонних сил: «Со полуночи ворота отворялися, / Выносило ее в полюшко, / Что во чи- стое во полюшко, / Выростала тут березушка» [Иваницкий 1960, № 270]. «Неарравėjau nė pusės linelių, / O ir nusileido šviesi saulelė, / O ir užtemo tamsi naktelė. / Aš pasiversiu žalia liepele, / Aš atsistosis žaly kelelio» (Не вырвала и половины льна, / Ох и село светлое солнышко, / Ох и стемнела темная ноченька. / Я обернусь зеленой липой, / Я встану у дороги) [BIŠLB 1941,

№ 70]. В одном из украинских вариан- тов невестка заночевала в канун вос- кресенья: «Напроти неділі та й заночувала. / В неділю раненько вмилася гарненько, / Косу розчесала, тополею стала» [Пісні Поділля 1976, 236]. Таким образом, невестка обернулась в дерево не только потому, что ее заклала све- кровь, но и потому, что осталась ночевать в поле, — оказалась в неурочном месте во внеурочное время.

Во многих вариантах баллады о дочке-пташке нарушение временного запрета понимается как желание до- чери вернуться домой раньше срока, установленного матерью, то есть как нарушение материнского запрета: «Ой як оддавала, / Та й наказувала / Сім літ дома не бувати. / А дочка не стерпіла, /

Та й до року прилетіла» [Балады 1988, 303]; «Казала ж мне маці / Сем лет ни бываці, / А я маладзенька / Таго ни сцярпела, / Абарнулася зязюляю, / У зялений сад паляцела» [Розенфельд 1904, № 67]; «Велела мне матушка семь лет не бывать; / Родимый-то батюшка: “хоть век не видать”. / Годочек я про- жила, другой прожила, / А третий го- дочек во слезах провела. / А вскинуса пташечкой кукушечкою...» [Соболев- ский, т. III, № 32].

Баллада с мотивом трех пташек, оплакивающих молодца, известна у всех восточных славян и балтов. Сам мотив — три пташки прилетают к мо- лодцу и оплакивают его, это его мать, сестра и жена — совпадает практически дословно в разных языках, а вот введ- ная часть имеет локальные варианты. Литовские и латгальские тексты, как правило, начинаются с зачина «Per tiltą jojau, / Nuo žirgo puoliau» — «По мосту ехал, с коня упал»:

Per tiltą jojau,
Iš žirgo puoliau
Į juoda purvynėį.
O aš gulėjau
Tris nedėles,
Nieks manęs nežinojo.
Tai tik atlėkė
Trys gegužėlės,
Trys raibosios gegutės <...>
[LLD III 1985, № 600].

По мосту ехал,
С коня упал
В черную грязь.
Ой я лежал
Три недельки,
Никто меня не признал.
Прилетели только
Три кукушечки,
Три рябые кукушки...

Начальная часть песни имеет мно- жество вариантов. Сохраняется основ- ной мотив вводной части «По мосту ехал, с коня упал», однако перед ним появляются дополнительные мотивы, объясняющие гибель молодца, причи- ну произошедшего с ним несчастья. В значительной части текстов (вариан- ты записаны во всех районах Литвы) причиной падения молодца с коня и его гибели становится *нарушение неко- его запрета*: молодец стреляет в голубя (иволгу, кукушку, лебедя, утку) во вре- мя охоты в лесу, в некоторых вариан- тах он убивает птицу, уходя на войну. Во многих песенных текстах голубь на- зывается «kieminajis paukštėlis» (дворо- вая птичка), иволга — «kiemo gaidelis» (дворовый петушок):

Išjojo broils
Girion medžiotų
Ir nu šavo volungį.
Tas volungėlis,
Girios paukštėlis,
Tikras kiemo gaidelis.
Klupo žirgelis,
Puolo brolelis
Ant to juodo purvelio <...>
[LLD III 1985, № 620].

Выехал брат
В лес охотиться
И застрелил иволгу.
Эта иволга,
Лесная пташка,
Настоящий дворовый петушок.
Споткнулся конечик,
Упал братец
В черную грязь...

дучи милосердным, никогда не дает этой птичке слишком долго мучиться от жажды [LTTeikas 1991, 173, 449–450]. Лебедь также признается «святой» птицей, большим грехом считается стрелять в него и употреблять в пищу³; утку, согласно польским поверьям, создал Иисус [Гура 1997, 668]. Интересно, что все эти птицы — дикие, хотя и называются в песнях «дворовыми», «домашними». У русских цыган, чей путь миграции из Европы в Россию проходил в позднее Средневековье через польские, литовские и белорусские земли и в чьей культуре отразились многие славянские и балтские поверья, существует запрет убивать и есть именно *диких* птиц и зверей⁴.

Запрет на убийство «дворовой», «домашней» (kieminajį, kiemionių, naminę) птицы, то есть птицы, прилетающей к человеческому жилью, возможно, связан с представлениями о перевоплощении в птицу душ предков. Со всеми этими птицами (голубь, иволга, кукушка, лебедь, утка) связано множество легенд. Запрет убивать голубя как чистую, Божью птицу есть у многих народов и связан с библейскими легендами. У русских существовал и временной запрет стрелять из ружья: «нельзя ругать и бить голубя, в нем тоже Свят дух находится... В Пасху (на Святой неделе) нельзя стрелять... <так как можно ранить Христа>. Бывали случаи, что человек, стрелявший из ружья, имел после этого кровь на дуле» [Станиловский 1912, 176]. Как отмечает А. В. Гура, «нарушение этих запретов воспринимается как грех и влечет за собой различные наказания: смерть детей, запустение дома, неблагополучие скота» [Гура 1997, 613]. Иволга в разных славянских традициях нередко называется человеческими именами: *ева, евка, сива явѣга, зовѣја, лусѣја, димитрио*; крик иволги возле дома, как и крик кукушки, предвещает смерть кого-то из домочадцев [Там же, 734–735]. По латышским поверьям, крик иволги предсказывает дождь и окончание засухи. По преданию («Как появилась Даугава»), когда-то звери и птицы рыли русло реки Даугавы. Все трудились, а иволга (valodze) не хотела работать. Бог (Dievs) рассердился и повелел за это иволге никогда не пить воду из реки или из озера, а отныне и во веки веков пить только росу, ту воду, которая капает с листьев деревьев или собирается под камнем. Поэтому, когда наступает длительная засуха, иволга мучается от жажды и кричит о воде. По ее крику люди узнают, что скоро будет дождь, так как Бог, бу-

доложил Иисус [Гура 1997, 668]. Интересно, что все эти птицы — дикие, хотя и называются в песнях «дворовыми», «домашними». У русских цыган, чей путь миграции из Европы в Россию проходил в позднее Средневековье через польские, литовские и белорусские земли и в чьей культуре отразились многие славянские и балтские поверья, существует запрет убивать и есть именно *диких* птиц и зверей⁴.

В некоторых версиях добавляется диалог с молодым:

— Oi tu bruoleli
Palaidūneli,
Kam šuovei balundelį?
Ar tau nebuva
Giriuo lakūno
Arba jūrėj narūno?
— Lakūns palieki,
Narūns panieri,
Balundelis tupieja <...>
[LLD III 1985, № 625].

— Ой ты, братец,
Распутник,
Зачем застрелил голубя?
Разве не было
В лесу летающего
Или в море ныряющего?
— Летающий улетел,
Ныряющий нырнул,
Голубь сел...

В другой группе текстов молодец падает с коня, когда возвращается из корчмы верхом. Варианты с такой вводной частью распространены в восточных районах Литвы:

³ Ср. этот же мотив в сказке П. П. Бажова «Ермаковы лебеди»: Ермак, будучи ребенком, вырастил лебедей, подложив их яйца под гусыню. Его бабушка сердится — ей жалко изводить на них корм, а толку от них нет: «а куда их, коли колоть за грех считалось». И далее: «По нашим местам эту птицу сильно уважают. Кто ненароком подшибет, добра себе не жди: беспременно неожиданное горе тому человеку случится. А хуже того, коли оплошает охотник из старателей. Тому и вовсе свое земельное ремесло бросать надо, потому удачи на золото после того не станет» [Бажов 1987, 244, 257].

⁴ «Птиц нельзя убивать, а куриц можно»; «Домашнюю скотину можно убивать, дикую — Бог не позволил»; «Курица не птица, ее можно есть»; «Бог голубя пустил, а есть запретил. Коли цыган проголодается, съест — не подавится» [Язык цыганский 2006, 469–470].

Iš karčėmėtės Be kepurėtės Nog jounas	Из корчмы Без шапочки От молодой
šinkorkėtės.	шинкарки.
Nedoug išgėrou, Cik pusgortėļ, Pragėriou rozumėļ. Pro ciltų jojou, Nog žirgo puoliou Gilan dunojėlin. Oi ir atlėkė Trys raibos poukštės, Visos trys gegulės <...> [KDLD 1924, № 84].	Немного выпил, Только полфляги, Пропил разум. По мосту ехал, С коня упал В глубокую речку. Ой и прилетели Три рябые пташки, Все три кукушки...

Типологической параллелью литовским вариантам можно считать вариант баллады о трех пташках из Сызранского уезда Симбирской губ., в котором есть мотив гибели молодца в кабаке: «Во славном городе во Алатыре, / Во проезжей было славной улице, / А стояла тут кружалочка — / Нов царев кабак. А за стойкою было за дубовою, / А за лавочкой за сосновою, / Лежит тут удувленный / Добрый молодец. / А не ластыньки, не касатыньки / Увивались вокруг молодца...» [Киреевский, ч. 2, № 2418]. Безусловно, версии баллады с таким «бытовым» объяснением случившегося (напился и поэтому погиб) можно считать поздними.

Приведем еще одну группу текстов с мотивом трех пташек, в которой в начальной части реализуется **мотив сна-смерти**. Молодец укладывается спать под деревом (березой — у белорусов, дубом — у литовцев). Ночью налетает ветер, отламывает у дерева верхушку и убивает молодца. К нему прилетают три пташки (зязюлі, зазуленьки, pilkas gegiulas (серые кукушки), pilkos paukštėlės (серые пташки)). В этой версии разворачивается глубинный мифологический сюжет, который мы пока не можем реконструировать; на поверхности же — нарушение места и времени (молодец ночует под деревом).

Версия бытует в Белоруссии (в основном в бассейне Западной Двины), в восточных районах Литвы

Pamarėly žalioji pievelė,
Toj pievelėj auga ažuolėlis;
Po ažuolu stovėjo laškelė,
Toj laškelėj pūkų patalėlis,
Tam patale gulėjo bernelis.
Išsikėlė iš marių vėtrėlė, —
Ir nulaužė ažuolo šakelę,
Ir užmušė laškelėj bernelį,
Tiktai nēr kam po jam gi kukuoja.
Ataskrido trys gegiutės pilkos...
[TD IV 1938, № 381].

(на литовско-белорусском пограничье), известны также записи близких текстов из Галиции.

Ў чыстым полі пад белай бярозай (2)
Малойчык зблудзіўся,
Спатачкі ўлажыўся.
Узняліся шуры-буры ды буйныя ветры,
А сарвалі з бярозы вярхушку, (2)
А забілі молайца ў падушку.
А некаму па молайцу плацаць! (2)
Прыляцела тры зязюлі з бору...
([Якименко 1984, 17–18],
Витебская обл., Ушачский р-н)

Мотив вводной части (молодец ночует под березой) разворачивается в другой — весенней — песне, бытующей в тех же районах Белоруссии: молодец просит у березы пустить его переночевать: «Стаяла бяроза пры дарозе, / Ніхто да тэй бярозачкі не даедзіць. / А сабраўся раз малойчык ды дабраўся. / — Пусці, пусці, бярозачка, начаваці. / — А не пушчу, удал малойчык, недзе спаці. / — Я высплюся у бярозкі на лісточку, / Як у роднай матулячкі пры бачочку. / Я высплюся у бярозкі на сучочках, / Як у роднай матулячкі на ручочках. / Я высплюся ў бярозачкі на карэннях, / Як у роднай матулячкі на каленях» [Гілевіч 1973, 35]. Иногда песня «Стояла бяроза» контаминируется с данной версией баллады о трех пташках: молодец просит березу пустить его переночевать, мстит кровать, ветер отламывает у березы верхушку, она убивает молодца, прилетают три кукушки и оплакивают молодца [Шейн 1887, № 379].

В Литве по Каталогу литовских народных песен эта версия баллады отнесена к историческим (K 363: «Gale lauko (pamarėj) ažuolėlis auga» — «На краю поля (на морском берегу) дубок вырос»), на 1980 г. было записано 39 вариантов песни [LLDK IV 1980, 138], причем 38 из них — в восточных и северо-восточных районах Литвы:

На морском берегу зеленеет лужочек,
На том лужочке растет дубок;
Под дубом стоит кроватка,
На той кроватке пуховая перина,
На той перине лежит парень.
Налетел с моря ветер,
И сломал у дуба верхушку,
И убил парня на кроватке,
Только некому по нему куковать.
Налетели три серые кукушки...

Несколько литовских вариантов баллады о трех пташках у тела молодца с зачином «Sutemo tamsiai, nulijo dargiai» (Стемнела тьма, полил дождь) [LLDK IV 1980, 132] включают мотив о молодце, застрелившем иволгу или кукушку. Все эти тексты содержат также мотив сна-смерти:

Sutemo temo tamsi tamselė
Man per girelę jojant.
Užnaktavojo bernelis
Po ąžuolo šakele.
Atskrido skrido trys gegutėlės...
[Balys 1935, 164].

Стемнела темная тьма,
<Когда> я по лесу ехал.
Заночевал молодец
Под дубовой веткой.
Прилетели три кукушки...

В других текстах молодец остается ночевать в зеленом лесу «между сухих коряг» («tarp sausųjų šekštelių» [LLD III 1985, № 617]) или даже «В зеленом лесу, / На высоком месте / Под сухой корягой» («Žalioj girelė, / Aukšto vietelė / P(u) sausuoju šikšteliu» [LLD III 1985, № 615]), что практически описывает ситуацию погребения, после чего к нему прилетают три кукушки.

Во многих белорусских текстах этой же версии баллады (в Белоруссии она бытует в качестве весенней песни) присутствует тема весенней работы: «Бел моладзец атаваньку косіць, / Косіць, косіць, краватаньку мосціць» [Можейко 1981, №43-2], «А ў чыстам полі пад белай бярозай (2) / Бел моладзец асотаньку косіць (2)» [Якименко 1984, 15—16]. В украинских вариантах отсутствует мотив отломившейся верхушки дерева, убившей молодца, но есть мотив «молодец пасет коня и засыпает под деревом»:

Пас Ваненько стада вороненько,
Стада вороненько, заснув тверденько.
Прилетіли д нему три зазуленьки...
[Гнатюк 1914, № 157 А].

В одном из вариантов данной версии молодец — это святой Юрий. Можно предположить, что святой Юрий появляется здесь не случайно: он связывается в народном сознании с пастыбой коней. И хотя в данном варианте мотива пастыбы нет — он есть в метатексте:

На горе, горе, зеленый явор,
Цы чуеш, гей, цы чуеш,
Цы гораздейко, мое сердейко, ночуеш?
Под тим явором бела постевка,

На той постевце лежит свят Юрий;
Прилетели к нему три зазулейки...
[Головацкий 1878, т. II, 56].

Стоит отметить, что украинские варианты — это колядки, в то время как белорусские варианты баллады бытуют в качестве весенних песен. Однако мотив пастыбы коней и появление святого Юрия в украинских текстах свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что когда-то баллада могла быть связана с весенней обрядностью. Бытование в качестве колядки

с неизбежностью привело к изменению текста: исчез мотив оплакивания (устойчивое отсутствие этого мотива не отмечено более ни в каких других версиях баллады о трех пташках). Несомненно, сюжет связан с другими весенними песнями с мотивом трех пташек у тела убитого — со «Стрелой» («Да лететь стрила да удовж села, / Да убьла стрила вдовыного сына» [Метлинский 1854, 307]) и «Павой» («Летіла пава, серед двора упала. / Кого прибила? Вдовиного сина» [Доленга-Ходаковский 1974, 514]).

Таким образом, в балладах с мотивом метаморфозы обращение персонажа связано с нарушением нормы: герой может обернуться деревом или птицей в силу проклятия или в силу нарушения какого-либо запрета (оказывается в неправильном месте в неправильное время); в птиц обращаются родственники молодца, погибшего вдали от дома, умершего неестественной смертью (что тоже происходит в силу нарушения запрета — молодец убивает дикую птицу, остается ночевать под деревом в лесу и т. п.). Обратничество персонажа (умершего или живого) нарушает привычный порядок вещей, но именно так, в ином образе, возможен контакт с «иным» миром.

Литература

- Бажов 1987 — Бажов П. П. Уральские сказы. М., 1987.
Балади 1987 — Балади / упор. О. І. Дея та А. Ю. Ясенчук. Київ, 1987.
Балади 1988 — Балади. Т. 2: Родинно-побутові стосунки / упор. О. І. Дей, А. Ю. Ясенчук, А. І. Іваницький. Київ, 1988.

Балады 1977 — Балады: У дзвюх кнігах / уклад., сцст., уступ. артыкул і камент. Л. М. Салавей; рэд. К. П. Кабашнікаў, В. І. Ялатаў / Беларус. нар. творчасць. Мінск, 1977.

БНБП 1993 — Български народни балади и песни с митически и легендарни мотиви // Сборник за народни умотворения и народопис. София, 1993. Кн. 60. Ч. 1.

Болонев, Мельников 1985 — Хороводные и игровые песни Сибири / сост.: Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников; отв. ред. А. И. Федоров. Новосибирск, 1985.

Беларуский фольклор 1973 — Беларуский фольклор у сучасных запісах: Брэсцкая вобласць / склад. В. А. Захарова. Мінск, 1973.

Гілевіч 1973 — Песні сямі вёсак: Традыцыйная народная лірыка Міншчыны / уклад. і рэд. Н. Гілевіча. Мінск, 1973.

Гнатюк 1914 — Колядки і щедрівки. Т. П. Зібрав Володимир Гнатюк // Етнографічний збірник. Видає етнографічна комісія Наукового Товариства імені Шевченка. Т. XXXVI. У Львові, 1914.

Головацкий 1878 — *Головацкий Я. Ф.* Народные песни Галицкой и Угорской Руси. М., 1878. Т. 1—3.

Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Добровольская 2006 — *Добровольская В. Е.* Категория «хорошее/плохое время» в традиционной культуре Центральной России // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. мат. науч. конф. Вып. 9 / отв. ред. А. С. Каргин. М., 2006. С. 276—292.

Доленга-Ходаковський 1974 — Українські народні пісні в записах З. Доленги-Ходаковського (з Галичини, Волині, Поділля, Придніпрянщини) / упорядк. О. І. Дея. Київ, 1974.

Едемский 1905 — *Едемский М. Б.* Вечерованье, городки и песни в Кокшенъге Тотемского у. СПб., 1905.

Еремина 1991 — *Еремина В. И.* Ритуал и фольклор. Л., 1991.

Зеленин 1995 — *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.

Иваницкий 1960 — Песни, сказки, поговорки, загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии / подгот. текстов, вступит. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Вологда, 1960.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / под ред. В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского. М., 1917—1929. Вып. II. Ч. 1—2.

Колесса 1970 — *Колесса Ф. М.* Балада про дочку-пташку в слов'янській народній поезії // Колесса Ф. М. Твори. Київ, 1970. Т. 3. Фольклористичні праці. С. 109—163.

Кучепатова 2006 — *Кучепатова С. В.* Мотив метаморфозы в архаической балладе балто-славянского ареала // Традиционная культура: Поиски. Интерпретации. Материалы. Сб. ст. по мат. конф. памяти Л. М. Ивлевой. СПб., 2006. С. 19—41.

Меткое слово 1964 — Меткое слово. Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья / собрал В. Н. Серебрянников / сост. Т. И. Вершинин. Пермь, 1964.

Метлинский 1854 — *Метлинский А.* Народные южнорусские песни. Киев, 1854.

Митропольская 1975 — Русский фольклор в Литве / Исследование и публикация Н. К. Митропольской. Вильнюс, 1975.

Можейко 1984 — *Можейко З. Я.* Песни Белорусского Полесья. М., 1984. Вып. 2.

Можейко 1981 — *Можейко З. Я.* Песни беларускага Паазер'я. Мінск, 1981.

Новиков 1999 — Живое слово: Фольклор русских старожилов Литвы / сост. Ю. Новиков. Вильнюс, 1999.

П. И. 1889 — *П. И. <П. В. Иванов>* Сила родительского проклятия по народным рассказам Купянского уез. Харьк. губ. (с заметкою Н. Я.) // Этнографическое обозрение. 1889. Кн. 3. С. 41—53.

Пісні Поділля 1976 — Пісні Поділля: Записи Насті Присяжнюк в селі Погребище. 1920—1970 рр. / упоряд. С. В. Мишанич. Київ, 1976.

Розенфельд 1904 — *Розенфельд А.* Белорусские народные песни // Сборник ОРЯС АН. СПб., 1904. Т. 77. № 3.

Соболевский — Великорусские народные песни. Изданы проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895—1900. Т. 1—6.

Станиславский 1912 — *Станиславский А. М.* Байкал // Труды Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Иркутск, 1912. № 7. С. 1—176.

Фольклор Прибалтики 1976 — Фольклор русского населения Прибалтики / авторы-сост.: А. Ф. Белоусов, Т. С. Макашина, Н. К. Митропольская. М., 1976.

Фольклор Севера 1998 — Фольклор Севера: Региональная специфика и динамика развития жанров. Исследования и тексты / отв. ред. Н. В. Дранникова, А. В. Кулагина. Архангельск, 1998.

Шейн 1898 — *Шейн П. В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1.

Шейн 1887 — Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1887. Т. 1. Ч. 1.

Язык цыганский 2006 — Язык цыганский весь в загадках: Народные афоризмы русских цыган из архива И. М. Андрониковой / сост., подгот. текстов, вступит. ст. и справ. аппарат С. В. Кучепатовой. СПб., 2006.

Якименко 1984 — Якименко Т. С. Песни-баллады в женской традиции Белорусского Севера: Дисс. ... к. иск. Минск, 1984.

AM — Aukštaičių melodijos / parengė L. Burkskaitienė, D. Kristopaitė. Vilnius, 1990.

Balys 1935 — Balys J. Nuo žirgo kritęs bernelis // Tautosakos darbai. Kaunas, 1935. T. 1. P. 142—178.

Bartok 1959 — Slovenske ludove piesne / zapisal a hudobne zatriedil B. Bartok. Bratislava, 1959. Zv. 1—2.

BIŠLB 1941 — Šimtas liaudies baladžių / parengė J. Balys. Kaunas, 1941.

Czernik 1958 — Polska epika ludowa / opracował St. Czernik. Wrocław; Krakow, 1958.

Horak 1956 — Slovenske ludove balady / Balady zozbieral a studiu napisał J. Horak. Bratislava, 1956.

JLD — Lietuviškos dainos, užrašytos par Antaną Juškevičę apigardoje Pušalačiu ir Velunos iš žodžių lietuvių dainininku ir dainininkiu. Kazanė, 1880—1882. T. 1—3.

Jokimaitienė 1968 — Jokimaitienė P. Lietuvių liaudies baladės // Literatūra ir kalba. Vilnius, 1968. T. IX: Dainuojamosios tautosakos klausimai. P. 297—353.

KDL 1924 — Dainavos krašto liaudies dainos. Prof. V. Krėvės-Mickevičius surinktos. Kaunas, 1924.

LLD III 1985 — Karinės-istorinės dainos / parengė P. Jokimaitienė / Lietuvių liaudies dainynas. Vilnius, 1985. T. 3. Kn. 1.

LLDK IV 1980 — Jokimaitienė P., Kazlauskienė B. Istorinės-socialinės dainos / Lietuvių liaudies dainų katalogas. Vilnius, 1980. T. 4.

LTTeikas 1991 — Latviešu tautas teikas: Izcelšanās teikas. Izlase / sast. un ievada autore A. Ancelāne. Rīgā, 1991.

TD IV 1938 — Vilniaus krašto lietuvių tautosaka / paruošė J. Balys // Tautosakos darbai. Kaunas, 1938. T. 4.

V sir. I 1982 — V sirom poli rokyta. Zv. 1: Slovenske ludove balady, romance a novelisticke piesne / uvod. S. Burlasova. Bratislava, 1982.

Summary. *The article analyzes some Slavic and Baltic ballad songs subjects with the metamorphosis motive (transformation of a human being into a tree or a bird). These subjects are based on the belief that only in a form of bird or a plant a protagonist can get into touch with the Otherworld. Only this transformation makes possible a contact between the dead and the living. One of the important conditions of ballad characters shape-shifting is some kind of breaking norms (somebody's curse or breach of prohibition).*

Key words: *archaic ballad, metamorphosis motif.*

ББК
УДК

Е. В. САМОЙЛОВА
(Санкт-Петербург)

«КТО ЧТО ЗНАЕТ, ТЕМ ХЛЕБ И ДОБЫВАЕТ». РЕГУЛИРУЮЩИЕ НОРМЫ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ СЕВЕРНО- РУССКОЙ ДЕРЕВНИ конца XIX — начала XXI века¹

Аннотация. *Внимание автора статьи сфокусировано на регламентации (правила, нормы, предписания) аграрных практик, преимущественно огородничества, с позиции сохранения и трансляции знаний в системе коллективной памяти и ритуального проектирования будущего. Рассматриваются способы передачи «знаний», принципы построения проективных моделей и маркировки огородных культур, соционормативная регуляция в практиках обмена и приобретения посадочного материала, гендерный аспект и др.*

Ключевые слова: *овощеводство, выращивание, хранение, обмен, регламентации, поведение.*

Урожай на хлеб для простолюдина — главное условие его благосостояния.

Потому-то не проведет он плугом первой борозды на ниве, не сожнет первого снопа без известного обряда или поверья.

Д. Г. Булгаковский

Выдвигаемая рабочая гипотеза основана на предположении об использовании в овощеводческих практиках знаковых систем их мифологических прототипов и о возможной корреляции этих практик с универсалиями, присущими архетипической модели мира

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (раздел 3. «Традиция, обычай, ритуал в истории и культуре»), проект 3.19 «Гендер, возраст и родство в контексте ритуала».